

внимание уделяется анализу взаимоотношений колонистов с татарами, ногайцами и евреями.

Последняя глава монографии посвящена взаимоотношениям государства и колонистов, роли в них специальной администрации, управлявшей колониями. Эти взаимоотношения не были безоблачными. Между обещаниями государства и реальностью, с которой столкнулись колонисты, была большая разница. К сожалению, и на начальном этапе приема колонистов, и в последующие годы многие свои обязательства государство не выполняло, часто требовало от колонистов невозможного, не сообразуясь со складывавшейся жизненной ситуацией последних и их возможностями. Отсюда и неоднозначное отношение колонистов к государству. Нередко у некоторых групп из среды колонистов (например, у отдельных религиозных сект) в отношении к российскому государству сквозили недоверие или даже враждебность. Найти в архивах материалы об этом было нелегко, но такая конкретика является ценным дополнением к уже сложившимся представлениям о жизни иностранных колонистов в Причерноморье в XIX в. Противоречивое отношение колонистов к государству проявилось в ходе Крымской войны. С одной стороны, колонисты оказали огромную помощь государству, организовав на своих подводах массовую переброску русских войск из

Бессарабии в Крым. С другой – имели место случаи пассивности, равнодушия и даже саботажа со стороны отдельных колонистских групп и обществ.

Большой творческой удачей автора стало создание им коллективного портрета смотрителя колоний, для чего он нашел и использовал не только послужные списки почти всех лиц, служивших в этих должностях, но также материалы об их предшествующей службе в опекунских учреждениях, об их жизни, в том числе и за границей, если это были иностранцы.

К числу недостатков можно отнести некоторую перегруженность книги фактами и ссылками на архивные источники. Для первых двух глав это еще как-то объяснимо, что касается остальных трех, то можно было бы посоветовать автору быть решительнее в интерпретации многочисленных ценных фактов, обнаруженных и анализируемых им. В целом же монография Д. Мешкова представляет ценным вкладом в историографию Российской империи XVIII–XIX вв. на уровне микроистории и истории повседневности. Она может быть интересна самому широкому кругу читателей, неравнодушных к прошлому нашего Отечества.

**А.А. Герман, доктор исторических наук
(Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)**

А.С. Минаков. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. Орел: Орлик, 2011. 487 с.

Проблема выстраивания эффективной вертикали власти – многоаспектная, во многом замыкающаяся на специфику регионов. А.С. Минаков сосредоточился на изучении взаимоотношений губернаторской власти черноземного макрорегиона империи с центральным правительством, сложившихся во второй половине XIX – начале XX в. В истории российской государственности пореформенный период являлся эпохой сложного, во многом мучительного для страны поиска оптимальной модели развития. В современных условиях, когда новая Россия также сосредоточилась на проблеме осознанного выбора государственного устройства, изучение исторического опыта в этой сфере представляется весьма актуальным. Результаты данной работы вносят вклад в ведущую уже многие десятилетия научную дискуссию о потенциале эволюционного пути развития Российского государства и общества

в предреволюционный период, о степени эффективности местного управления Российской империи.

Повышенный интерес к изучению данного периода обусловлен еще и тем, что он являлся заключительным в истории имперского этапа российской модернизации. Как отметил в свое время А.Я. Аврех, «конечные периоды в жизни того или иного строя необычайно важны для истории, для науки и в познавательном, и в методологическом плане. Все предшествующее длительное развитие, его закономерности и особенности с необычайной яркостью фиксируются в конечной точке». Результаты рецензируемого исследования действительно зафиксировали итоговую картину развития губернаторского корпуса, что позволило аргументированно снять ряд устойчивых стереотипов в его восприятии (о роли протекции при назначении на данный пост, о формальности

губернаторского отчета, о неконструктивном характере взаимодействия губернаторов с вице-губернаторами и др.). В центре внимания Минакова – 3 взаимосвязанных сюжета, каждому из которых он посвятил по главе: формирование губернаторского корпуса, годовой губернаторский отчет как механизм взаимодействия центральной и местной власти и функциональная эффективность gubernatorial власти. Таким образом, исследование нацелено на изучение, возможно, наиболее дискуссионных сюжетов очерченной проблематики.

В основу монографии лег широкий круг источников: нормативно-правовые акты, материалы официального делопроизводства, справочно-статистические издания, материалы периодической печати, документы личного характера. Их выявление и свод в единый комплекс уже само по себе является большим достижением. Некоторые группы документов (например, губернаторские отчеты) были проработаны автором фронтальным способом. Строго научный анализ репрезентативной источниковой базы позволил Минакову сделать ряд оригинальных и обоснованных выводов. Ему удалось убедительно показать, что круг критериев отбора кандидатов на губернаторский пост в исследуемый период был весьма широк и принципиально не сводим к 2–3 позициям (протекция, образованность, служебное рвение). Более того, на разных поворотах государственной политики те или иные факторы, влиявшие на выбор назначенцев, выходили на передний план, т.е. комбинации постоянно менялись. В этом проявлялась гибкость системы управления, а не «произвол самодержавия». Ученый пришел к выводу, что в условиях многих чрезвычайных ситуаций именно кадровые перемены в губернаторском корпусе становились действенным инструментом в борьбе с кризисом.

Интересным является и наблюдение автора о том, что получение губернаторского поста не всегда было желанным и радостным событием в судьбе чиновника. Практика губернаторства как почетной формы отставки доказательно рассматривается в книге как дань чиновническому корпоративизму, который в исследуемый период все более укреплялся. Об этом же говорят и многие случаи перевода губернаторов, доказавших свою «негодность» (выражение А.А. Половцова), в Сенат или Государственный совет. Чиновник, попавший в номенклатурную «обойму», чаще всего не оказывался «на улице», даже если провинился. С годами случаев реального наказания губернаторов за упущения по службе становилось все меньше.

«Изюминкой» монографии и, в определенном смысле, ее центральной частью является изучение феномена годовых губернаторских отчетов императору. Минаков уже известен широкому кругу специалистов как автор серии серьезных публикаций на эту тему. В рецензируемой работе он предпринял, на мой взгляд, успешную попытку обобщить все свои наработки по данной проблеме. Это, пожалуй, первое специальное исследование, в котором скрупулезно анализируется эволюция формуляра губернаторских отчетов (причем в данном случае автор выходит за заявленные им хронологические рамки, подробно представляет предысторию вопроса), требования к срокам их представления и практика их выполнения губернаторами, реконструируются процедура составления отчета в губернии и его дальнейшего прохождения в высших органах власти, а также дается анализ номинальной и фактической роли высочайших резолюций на отчетах. Автор классифицирует информацию, которая чаще всего не попадала в губернаторский отчет, выделяет те инстанции, которые занимались на местах собственно сбором и дальнейшей обработкой собранных сведений, высказывает свое мнение по поводу наиболее дискуссионных вопросов – о степени внимания верховной власти к отчетам, о степени адекватности отчетов реальной жизни губерний, о влиянии императорских резолюций на отчетах на ход внутренней политики. Нельзя не видеть, что ученый далек от идеализации этого делопроизводственного документа. Вместе с тем Минаков видит в сохранении этой формы губернской отчетности позитивные стороны. В их числе и отработка взаимодействия губернатора с региональными отраслевыми ветвями власти, и поддержание авторитета губернатора в глазах нижестоящих чиновников, и укрепление практики совместной работы центральных и местных органов власти, и определенное преодоление последствий «ведомственных войн».

Большое место в книге уделено проблеме эффективности gubernatorial власти. Автор достаточно прочно включен в историографический процесс по данной проблеме. Хорошо известно его участие в международном исследовательском проекте 2009–2010 гг., посвященном эффективности местного управления в пореформенной России (См.: Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010. С. 283–285, 363–366). В рецензируемой же монографии Минаков рассмотрел взаимоотношения губернаторов как со своими ближайшими сотрудниками – вице-губернато-

рами, так и с органами земского самоуправления. Действенность этих взаимодействий рассматривается им как показатель функциональной эффективности губернаторства. На первый взгляд, какое отношение эта проблематика имеет к заявленной теме исследования – отношениям губернаторского корпуса с центром? Однако избранный ракурс повествования – раскрыть участие центральных властей в, казалось бы, внутригубернских отношениях – заставляет признать уместность названного сюжета в работе. Можно констатировать, что институт вице-губернаторов вообще мало анализировался в историографии и поэтому вызывает большой научный интерес. Минаков показывает, что «вице-губернаторская болезнь» (ставшее широко известным выражение губернатора И.Ф. Кошко, с помощью которого он негативно оценил вклад вице-губернаторов в усиление эффективности регионального управления) не являлась единственным возможным вариантом развития отношений губернаторов со своими заместителями. Однако единой тенденции здесь не наблюдалось, в отличие от системы взаимоотношений между

губернаторами и земствами, которые к началу XX в. все больше перерастали в конструктивное сотрудничество. Важнейшим инструментом в последнем случае стали так называемые обязательные постановления. Им в монографии уделено особое внимание. Убедительно показано, как взаимная работа по их подготовке становилась базой для налаживания доброжелательного и сугубо профессионального отношения к делу.

Таким образом, в монографии А.С. Минакова проведен комплексный анализ ключевых аспектов взаимоотношений центра и губернаторского корпуса с позиций эффективности механизмов власти. Книга написана хорошим научным языком, учитывает современный уровень российской и мировой исторической мысли и вносит существенный вклад в развитие истории российской государственности. Она будет полезна и интересна всем интересующимся историей пореформенной России.

С.В. Любичанковский,
доктор исторических наук
(Оренбургский государственный педагогический университет)

И.В. Лукоянов. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор–История, 2008. 668 с.

Монография И.В. Лукоянова является не просто обобщающим трудом по истории дальневосточной политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв., выявляющим несостоятельность мифов, почти столетие воспринимавшихся как очевидность, не нуждающаяся в критическом осмыслении и дополнительной проверке. Помимо этого достоинства, уже делающего книгу значимой вехой в развитии современной исторической мысли, следует отметить и то, что в ней при рассмотрении, казалось бы, сугубо внешнеполитической темы особое внимание уделяется процессам, происходившим во властных структурах, способам формирования, принятия и реализации политических решений. Международные отношения здесь «по большей части индикатор», реже – «катализатор» проблем, возникавших во внутренней политике (с. 9). Можно лишь сожалеть о том, что кандидатская диссертация автора, в которой «технология власти» рубежа XIX–XX вв. реконструируется на высоком профессиональном уровне, не была полностью издана и мало известна широкому кругу историков¹.

В подробном историографическом обзоре убедительно показано, что исследование

темы, долгое время воспринимавшейся исключительно как предыстория русско-японской войны, далеко не исчерпано. Для ее освещения в советское время было характерно «осовременивание истории в угоду официальному антиамериканизму». Об этом свидетельствует и цитируемое Лукояновым письмо Б.А. Романова к А.Л. Сидорову, в котором прямо говорится о намерении ученого при подготовке нового издания «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» «американизировать изложение сплошь» (с. 49–50). Вместе с тем, признавая несостоятельность предвзятого антиамериканизма, Лукоянов не впадает в другую крайность и не преуменьшает роль европейских союзников и заокеанских спонсоров Токио. Так, возражая британскому историку Я. Нишу, излагающему, по сути, японский взгляд на истоки конфликта 1904–1905 гг., он подчеркивает, что именно «англо-японский союз сделал для Японии нападение на Россию возможным», причем без этого союза, а также без «финансовой поддержки США» русско-японская война вообще «вряд ли имела бы место» (с. 61). В своей монографии Лукоянов внимательно фиксирует и развивает наблюдения Романова, «одной из несомненных заслуг»